

БУСИДО

Кодекс
самурая

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Миямото Мусаси
Юдзан Дайдодзи
Ямамото Цунэтомо**

Бусидо. Кодекс самурая

**Серия «Военно-
историческая коллекция»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40501807

*Бусидо:
ISBN 978-5-17-110982-0*

Аннотация

Первые самураи появились в Японии еще в VII в. Шло время, сформировались устои морального кодекса самурая, позже превратившегося в свод заповедей «Путь воина» («Бусидо»). Века сменялись тысячелетиями, но и по сей день моральный кодекс самураев не утратил своей актуальности. В этой книге собраны наиболее авторитетные трактаты и руководства, посвященные бусидо. «Будосёсинсю» Юдзана Дайдодзи, «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо и «Книга пяти колец» Миямото Мусаси непременно станут духовными спутниками каждого, кто ищет ответы на главные вопросы в своей жизни.

Содержание

Юдзан Дайдодзи	5
Предисловие переводчика	5
Глава I	11
Вступление	11
Образование	14
Сыновняя почтительность	15
Правила самурая	18
Не пренебрегать боевым духом	21
Самурай-отшельник	22
Правильное и неправильное	26
Храбрость	29
Почтение	33
Искусство верховой езды	35
Военные искусства	39
Глава II	42
Управление домом	42
Родственники	43
Бережливость	44
Строительство дома	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Бусидо

© Р.В. Котенко, перевод на русский язык, 1998

© А.А. Мищенко, перевод на русский язык, 1996, 1998

© А.А. Петрова, перевод на русский язык, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю

Предисловие переводчика

Исторические документы, объясняющие основные понятия, связанные с *бусидо* (понятие «бусидо», как и «самурай», вошло в западные языки как заимствованное слово, обозначающее «национальный, особенно военный, дух Японии; традиционные представления о рыцарстве старого самурайского сословия». Буквально оно означает «путь воина» и впервые появляется в конце XVI в. в сочинениях Тори Мототада (1539–1600). Некоторые европейские авторы, вслед за Чемберленом, полагали, что это понятие было введено лишь в период Мэйдзи с целью укрепления национального духа, а прежде было неизвестно. Своим распространением на Западе слово в немалой степени обязано книге доктора Нитобэ «Бусидо» (опубликованной в 1899 г.). В ней речь шла о японском рыцарстве, первоначально представлявшем собой различные описания должного поведения воина во время войн и мира, а позднее – «домашние законы» и правила, составленные выдающимися представителями самурайских домов, а иногда и менее значительными лично-

стями. Среди последних содержалось и данное наставление молодому самураю, претендующее на утверждение должных норм поведения, как они понимались в конце XVI – начале XVII в. Его автор был знатоком военного искусства и известным писателем той эпохи, а поскольку за свои девяносто два года он пережил правление шести *сёгунов* – от Иэмицу¹ до Ёсимунэ² (ему было двенадцать, когда умер первый, а когда скончался он сам, последний был сёгуном уже 15 лет), – он хорошо знал атмосферу начала периода Токугава, прошло всего два десятилетия после смерти Иэясу³. Дожил он и до роскошной эпохи Гэнроку при блестящем и эксцентричном Цунаёси⁴. Вассал дома Токугава, он был знаком с учением мудреца Мицукуни⁵, князя Мито, и учился у Ямага Соко⁶,

¹ Иэмицу (1622–1651) – третий сёгун Токугава.

² Ёсимунэ (1716–1745) – восьмой сёгун Токугава, известный своей политикой «Назад к Иэясу», которая ставила своей целью возрождение феодальной организации общества.

³ Токугава Иэясу (1542–1616) – основатель сёгуната Токугава, который на некоторое время прекратил распри в стране, одержав решающие победы у замков Сэкигахара (1600) и Осака (1614–1615).

⁴ Цунаёси (1688–1703) – пятый сёгун Токугава, чье правление было отмечено продажностью администрации и распущенностью нравов (эпоха Гэнроку).

⁵ Мицукуни – мудрец эпохи Токугава. Был основателем школы историков Мито; стимулировал интерес к изучению национальной истории и литературы; заложил основы движения за возрождение, которое впоследствии подорвало положение сёгуна и восстановило главенство императорского дома.

⁶ Ямага Соко (1622–1685) – влиятельный моралист периода Гэнроку. Изучал военную науку и считается одним из основателей бусидо. Отличался непреклонностью характера, был сослан в княжество Асано (где явился вдохновителем ме-

еще одного известного знатока бусидо. Он был свидетелем и героического подвига сорока семи преданных *рёнинов* Ако (лидер которых Оиси Ёсио⁷ также был учеником Соко), и падения не одного самурайского дома из-за внутренних смут и козней вассалов. Он был современником великого ученого Араи Хакусэки⁸, знаменитая автобиография которого рисует картину самурайской семьи, весьма близкую идеалам Дайдодзи. Не многие были более искушенными в рассуждениях на данную тему, а его предостережение насчет того, чего должен избегать самурай, явно отходит от той суровости и простоты «древности», в которой он жил в последние годы и которые столь самозабвенно пытался исправить сёгун Ёсимунэ со своим принципом «Назад к Иэясу». Его сочинение дает очень ясное и живое описание бусидо, каким он знал его, может быть, не самое объемное, но гораздо более детализированное, чем «Сто правил» Такэда Сингэна⁹ или пись-

сти сорока семи рёнинов во главе с Оиси Ёсио).

⁷ Оиси Ёсио – лидер рёнинов господина Асано. В 1703 году сорок семь рёнинов во главе с Оиси Ёсио совершили убийство высокопоставленного чиновника бакуфу, тем самым осуществив месть за своего господина. Они поступили вопреки принятым тогда законам и сами отдались в руки правосудия. После долгих споров были приговорены к самоубийству и совершили его, став национальными героями.

⁸ Араи Хакусэки (1656–1726) – ученый-конфуцианец, советник при шестом сёгуне Иэнобу Токугава. Философ-администратор, он решал проблемы управления с помощью конфуцианских принципов. Отличался консерватизмом. Говорят о его влиянии на сёгуна Ёсимунэ, выдвинувшего принцип: «Назад к Иэясу».

⁹ Такэда Сингэн (1521–1573) – даймё провинции Кай, один из лучших генера-

ма Иэясу. К тому же оно отражает точку зрения вассала, а не господина. Поэтому я пользовался словом «самурай», а не «буси», не столь знакомым западному читателю, хотя и более глубоким по смыслу, обозначающим и воина, и *даймё*, господина (в отличие от термина «самурай»). Слово «самурай» – древнее и чисто японское, в X в. оно поначалу обозначало «военного вассала», а в конце XII в. при военном правительстве *Камакура*¹⁰ оно стало официальным обозначением военного ведомства (*самурай-докоро*¹¹).

Дайдодзи Юдзан Сигэсукэ родился в знатной самурайской семье, ведущей род от клана Тайра через Тайра Корэхира (X в.). Его предком в пятом поколении был Сигэтоки, старший брат Исэ Синкуро Нагаудзи, ставшего впоследствии знаменитым Ходзё Соуном¹², князем Одавары¹³ и одним из

лов и администраторов своей эпохи. Прославился в битвах с Уэсуги Кэнсином.

¹⁰ *Камакура* – орган власти в эпоху раннего феодализма в Японии (по названию местности, где поселился глава клана Минамото, Ёримото, впоследствии ставший первым сёгуном этого режима). Также название эпохи, правительства. Центр военной власти в период до Асикага (Муромати).

¹¹ *Самурай-докоро* – военный орган режима Камакура, нечто наподобие дисциплинарного трибунала; занимался делами военного класса. Был создан по образу совета.

¹² Ходзё Соун (Ходзё Нагаудзи, 1432–1519) – известный удачливый генерал и администратор своей эпохи. Владелец замка Одавара. Автор «Двадцати одного правила Ходзё Соуна».

¹³ Замок Одавара, построенный в 1418 г., располагался на обширной территории площадью 170 га. Общая протяженность крепостных стен равнялась приблизительно пяти километрам, что вдвое больше протяженности стен Московского Кремля.

самых блестящих администраторов своего времени. Сигэтоки взял имя Дайдодзи по названию деревни, в которой жил. Его внук Масасигэ покончил с собой, когда в 1590 г. Хидэеси взял Одавару, а его сын Наосигэ стал вассалом Токугава Хидэтада¹⁴ и храбро сражался при осаде Осаки, помогая собрать войска сёгуна после того, как их потрепали отчаянные атаки гарнизона. Сигэхиса, отец Юдзана, был вассалом Токугава Тадатэру, шестого сына Иэясу и младшего брата Хидэтада, попавшего под подозрение, потерявшего свои владения и отправленного в отставку. По всей видимости, Юдзан последовал за отцом. В это время он учился, стал убежденным конфуцианцем и знатоком военного дела, а потому занял пост военного советника при князе Айдзу Мацудайра. Затем он отправился в Ивабуци в Мусаси¹⁵, но потом вернулся в дом Мацудайра Этидзэн-но-ками, главы Камон, прямого родственного дома сёгуна. Всей своей жизнью он воплощал свое учение, ибо его часто приводили в пример как образец верности, выдержки и спокойствия. Известен он был и своими стихами. Его перу принадлежат «Ивабуци Ява», или «Вечерние беседы в Ивабуци», – расположенные в хронологическом порядке анекдоты о Токугава Иэясу, а также «Оцибосу», – история Иэясу, его сподвижников и последовате-

¹⁴ Хидэтада (1616–1622) – второй сёгун Токугава.

¹⁵ Имеется в виду историческая провинция Японии, расположенная в регионе Канто на востоке острова Хонсю.

лей построенного ими города и замка Эдо¹⁶. Он также написал «Тайсёдэн» («Записи о великих полководцах») и «Госинрон» («Сведения о пяти вассалах»).

¹⁶ Эдо – ныне Токио; город, в котором располагалось правительство сёгуна. Также – название эпохи Токугава.

Глава I

Вступление

Самурай должен прежде всего постоянно помнить – помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги, – что он должен умереть. Вот его главное дело. Если он всегда помнит об этом, он сможет прожить жизнь в соответствии с верностью и сыновней почтительностью, избежать мириада зол и несчастий, уберечь себя от болезней и бед и насладиться долгой жизнью. Он будет исключительной личностью, наделенной прекрасными качествами. Ибо жизнь мимолетна, подобно капле вечерней росы и утреннему инею, и тем более такова жизнь воина. И если он будет думать, что можно утешать себя мыслью о вечной службе своему господину или о бесконечной преданности родственникам, случится то, что заставит его пренебречь своим долгом перед господином и позабыть о верности семье. Но если он живет лишь сегодняшним днем и не думает о дне завтрашнем, так что, стоя перед господином и ожидая его приказаний, он думает об этом как о своем последнем мгновении, а глядя в лица родственников, он чувствует, что никогда не увидит их вновь, тогда его

чувства долга и преклонения будут искренними, а его сердце будет исполнено верности и сыновней почтительности.

Но если он не помнит о смерти, он будет беззаботен и неосторожен, он будет говорить слова, которые оскорбляют других, тем самым давая повод для споров. Если на это не обратят внимания, их можно будет разрешить, но если сделают упрек, спор может окончиться ссорой. Если он прогуливается в увеселительных местах среди толпы без должной осторожности, то может столкнуться с каким-нибудь большим глупцом и будет втянут в ссору еще прежде, чем поймет это. Тогда он может быть убит, имя его господина – запятнано, а его родители и родственники – осыпаны упреками.

Все эти несчастья идут оттого, что он не помнит всё время о смерти. Тот же, кто делает это, будет, как и полагается самураю, говоря самому или отвечая другим, тщательно взвешивать каждое слово и не вдаваться в бесполезные споры. Самурай не позволит никому заманить себя в ловушку, где он внезапно может оказаться в безвыходном положении, и потому избегнет зол и бедствий. И верхи, и низы, если они забывают о смерти, склонны к нездоровым излишествам в еде, вине и женщинах, поэтому они умирают преждевременно от болезней печени и селезенки, и, даже пока они живы, болезнь делает их существование бесполезным. Но те, у которых всегда перед глазами лик смерти, сильны и здоровы в молодости, а поскольку они берегут здоровье, умеренны в еде и вине и избегают женщин, будучи воздержанными

и скромными во всем, болезни не иссушают их, а жизнь их долга и прекрасна.

Тот, кто живет в этом мире, может потакать всем своим желаниям; тогда его алчность возрастает так, что он желает того, что принадлежит другим, и не довольствуется тем, что имеет, становясь похожим на простого торговца. Но если он всегда смотрит в лицо смерти, он не будет привязан к вещам и не проявит неумности и жадности, станет, как я говорил прежде, прекрасным человеком. Что касается размышления о смерти, то Ёсида Кэнко в «Цурэдзурэ-гуса» говорит¹⁷, что монах Синкай имел обыкновение сидеть днями напролет, размышляя о своем конце; несомненно, это очень удобный способ для отшельника, но не для воина. Ведь тогда он должен был бы пренебречь своим военным долгом и отказаться от пути верности и сыновней почтительности. Самурай же, наоборот, должен постоянно быть занят и общественным, и личным. Но когда бы у него ни появлялось немного времени для себя, чтобы побыть в безмолвии, он не должен забывать возвращаться к вопросу о смерти и размышлять о ней. Разве не сказано, что Кусуноки Масасигэ¹⁸ увещевал своего сына Масацуру всегда помнить о смерти? Все это предназначено

¹⁷ Ёсида Кэнко – монах, живший в XIV веке, автор сочинения «Цурэдзурэ-гуса» («В часы досуга»), которое представляло собой разрозненные заметки, наблюдения, наброски, афоризмы, анекдоты.

¹⁸ Кусуноки Масасигэ (ум. 1336) – верноподданный военачальник в период правления Северного и Южного дворов (1332–1390), который, потерпев поражение в битве, совершил самоубийство.

для обучения юного самурая.

Образование

Раз самурай находится во главе трех сословий общества и призван управлять, он должен быть хорошо образован и глубоко понимать причины вещей. Однако во времена внутренних войн молодой воин отправлялся сражаться в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, поэтому он должен был начинать обучаться боевому искусству в двенадцать-тринадцать лет. Раз у него не было времени сидеть за книгой или брать в руки кисть для письма, он часто оставался почти неграмотным. В те времена было много самураев, которые не могли написать ни одного иероглифа. Поэтому либо из-за их собственных побуждений, либо из-за неправильного наставления родителей не делалось ничего, чтобы исправить это; ведь вся их жизнь была полностью отдана Пути воина. Ныне империя находится в мире, и хотя нельзя сказать, что родившиеся в самурайских семьях безразличны к военному делу, их не посылают в битву в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, как воинов прежних времен. Поэтому в семь или восемь лет, когда ребенок подрос, его необходимо познакомить с *Четверокнижием*, *Пятикано-нием* и *Семикнижием*¹⁹, а также обучить каллиграфии, чтобы он запомнил, как пи-

¹⁹ *Четверокнижие*, *Пятиканоние*, *Семикнижие* – китайские сочинения, признанные конфуцианскими учеными классическими.

сать иероглифы. Затем, когда ему исполнится пятнадцать или шестнадцать лет, его следует обучать стрельбе из лука, верховой езде и всем другим военным искусствам, ибо только так самурай должен воспитывать своих сыновей в мирное время. Нынешнему воину, в отличие от воина эпохи внутренних войн, безграмотность непростительна. Однако самих детей не следует осуждать за отсутствие образованности. Это полностью вина их родителей, которые по незнанию или пренебрежению не осуществляют подлинной любви к детям.

Сыновняя почтительность

Тот, кто является самураем, должен вести себя в строгом соответствии с долгом сыновней почтительности. Каким бы способным, умным, красноречивым и добрым он ни был рожден, все это бесполезно, если он непочтителен. Ибо бу-сидо, Путь воина, требует, чтобы поведение человека было правильным во всем. Если нет проницательности во всем, не будет и знания должного. А тот, кто не знает должного, едва ли может называться самураем. Самурай же понимает, что родители подарили ему жизнь и что он – часть их плоти и крови. И именно из преувеличенного самомнения возникает порой пренебрежение к родителям. В этом недостаток различения порядка причины и следствия.

Есть разные способы исполнения сыновних обязанностей перед родителями. Один – когда родитель честен, а воспи-

тывает детей с искренней добротой и оставляет им всю собственность, включая доход выше среднего, оружие и конское снаряжение, и еще драгоценную утварь, а также устраивает для них хорошие браки. Когда такой родитель удаляется на покой, нет ничего особенного и достойного похвалы в том, что дети должны ухаживать за ним и относиться к нему со всей внимательностью. Даже по отношению к чужому человеку, если он близкий друг и старается помочь нам, мы чувствуем глубокую расположенность и делаем для него все, что возможно, даже если это и не соответствует нашим интересам. Насколько же глубоки должны быть узы любви, если дело касается наших родителей! Поэтому, сколь много мы ни делали бы для них как их дети, мы не можем не чувствовать: как бы хорошо мы ни исполняли сыновний долг, этого всегда недостаточно. Это – обычная сыновняя почтительность, в ней нет ничего выдающегося. Но если родитель зол, стар и своенравен, если он всегда ворчит и повторяет, что все в доме принадлежит ему, если он не дает детям ничего и, не считаясь со скудными средствами семьи, неустанно требует питья, еды и одежды, и если он, встречая людей, всегда говорит: «Мой неблагодарный сын так непочтителен, поэтому я и влачу такую жизнь. Вы не представляете, как тяжела моя старость», тем самым понося своих детей перед чужими людьми, то даже к такому сварливому родителю следует относиться с почтением и, не выказывая никаких признаков раздражения, потакать его плохому характеру и утешать в

его престарелой немощи. Полностью отдавать свои силы такому родителю – вот подлинная сыновняя почтительность. Самурай, исполненный такого чувства, поступая на службу к господину, глубоко понимает Путь верности и проявит его не только тогда, когда его господин процветает, но и когда тот в беде, и не покинет его, даже когда из ста всадников у него останется десять, а из десяти – один, но будет защищать его до конца, считая свою жизнь ничем в сравнении с воинской верностью. И хотя слова «родитель» и «господин», «сыновняя почтительность» и «верность» различны, смысл их одинаков. Древние говорили: «Ищи преданного вассала среди почтительных». Невозможно представить, чтобы человек был непочтителен к своим родителям и в то же время был предан своему господину. Ибо неспособный исполнить сыновний долг перед родителями, давшими ему жизнь, едва ли будет преданно служить господину, с которым он не связан кровными узами, из одного лишь почтения. Когда такой непочтительный сын поступает на службу к господину, он будет осуждать любые недостатки своего хозяина, а если он будет чем-то недоволен, то забудет о своей преданности и исчезнет в минуту опасности или предаст своего господина, сдавшись в плен врагу. Примеры такого позорного поведения были во все времена, и его следует с презрением остерегаться.

Правила самурая

В бусидо два вида правил, в каждом из них по два типа. Два вида правил – это обычные и необычные. Обычные относятся к чиновникам и воинам, а необычные – к армии и битве. Что касается чиновников-самураев, они должны мыть руки и ноги вечером и утром и принимать горячую ванну, чтобы всегда быть чистыми. Самурай должен каждое утро приводить волосы в порядок и правильно брить лоб. Он должен всегда носить подобающую случаю церемониальную одежду, иметь при себе два меча и веер на поясе. Принимая гостя, он должен относиться к нему с этикетом, приличествующим его рангу, и избегать пустых разговоров. Даже чашка риса или чая должна браться в руки должным образом, без малейшей неряшливости и с сохранением бдительности. Если самурай не исполняет свои прямые обязанности и где-то служит, он не должен бездельничать, но должен читать и совершенствоваться в письме, изучая древнюю историю и правила воинских домов; короче говоря, вести себя так, как положено самураю.

太平記英勇傳

堀本儀太夫高利

佐藤王清の野臣蒲田が戦功最多
 絶世異國の合戦を味方の軍勢金山
 堀中の山城が在り、軍が取圍た所

難攻の由り、王清の

命を請

長林軍

人共は是を疑ふ

と彼等に至り、敵軍と

散々切つ、此時儀太夫

流矢のさめ、龍の體と深

射れ、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

にあり、折る、長林の此所

一丁、密
 國、土、方、画

一家略傳史
 柳下亭種員記

望
 炎

Утагава Куниёси.

Воин в соломенном дождевике. 1848.

Теперь о правилах для воинов. Они касаются занятий фехтованием, обучения владению копьем, верховой езде, стрельбе из лука и мушкета и всему тому, что необходимо для военного дела; все это необходимо самозабвенно изучать и практиковать, чтобы быть дисциплинированным и непоколебимым. Если эти два кодекса самурая и воина хорошо поняты, обычные правила можно считать завершенными, большинству людей они покажутся достаточными для доброго воина или чиновника. Но самурай – это чиновник на случай беды, и, когда в государстве возникает смута, он должен отбросить в сторону обычные правила для самурая и служить командующим при своем господине, другие вассалы становятся командирами и солдатами. Все они снимают церемониальные одежды, облачаются в доспехи и с оружием в руках наступают на земли врага. Различные методы ведения войны в таком походе называются правилами для армии, и об этом следует помнить. Затем следуют правила ведения битвы – методы управления армией, когда она вступает в сражение с врагом. Если все происходит согласно составленному плану – будет победа, если нет – поражение. Тайный смысл этого также следует постичь. Наилучший самурай тот, кто искушен во всех четырех типах двух правил. Быть искушенным только в двух типах обычных правил достаточно

для исполнения долга простого рыцаря, но тот, кто несведущ в необычных правилах, не сможет стать командующим или высшим офицером, таким как *моногасира*²⁰ или *бугё*²¹. Поэтому самое важное здесь следующее: все самураи должны понимать и помнить, что невозможно занять высокий пост без глубокого изучения необычных правил.

Не пренебрегать боевым духом

Самое главное – самурай никогда не должен пренебрегать боевым духом, в любое время и при любых обстоятельствах. Ибо наша страна отличается от других земель тем, что даже последние из людей: крестьяне, торговцы и ремесленники хранят старые ржавые мечи, и в этом проявляется воинский дух великой Японской империи. Эти три сословия не являются солдатами по призванию, но во всех военных семьях распространен обычай, что даже последние из слуг самураев ни на мгновение не расстаются с коротким мечом. Тем более знатный самурай должен всегда носить пояс. А самые преданные не расстаются с тупым или деревянным мечом, принимая горячую ванну. И если так поступают даже в своем доме, насколько же больше это необходимо, когда от-

²⁰ *Моногасира* – высокий офицерский чин у самураев.

²¹ *Бугё* – офицерское звание у самураев. Также – титул чиновников эпохи Токугава, осуществлявших различные функции (административные, исполнительные или судебные) в бакуфу. Это слово примерно переводится как «комиссар».

правляешься куда-нибудь: ведь на пути всегда может встретиться какой-нибудь пьяница или глупец, который внезапно начнет ссору. Старая пословица гласит: «Покидая свой дом, веди себя так, как будто видишь врага». Если ты самурай и носишь на поясе меч, ты никогда не должен забывать о боевом духе. Тогда разум твой сосредоточен на смерти. Самурай же, который не обладает боевым духом, подобен крестьянину или торговцу в обличье воина, даже если у него на поясе – меч.

Самурай-отшельник

С давних времен многие самураи становились отшельниками. Действительно, между ними немало общего. Например, среди дзэнских монахов есть те, которых называют *дзо-су* или *судза*. Они обычные послушники такого же уровня, что и внешние вассалы военного сословия, служащие в армии простыми солдатами. Затем идут *танрё*, или сэйдо, потом повыше, равные *мэцукэ*²², гвардейским капитанам или начальникам пехоты среди самураев. Затем среди отшельников есть называемые *тёро*, или *осё*, которые носят цвет-

²² *Мэцукэ* – офицерское звание у самураев. В период Токугава так назывались чиновники, чьи функции не совсем понятны. Во время войны они действовали в качестве офицеров разведки. В мирное время мэцукэ осуществляли надзор за поведением вассалов, то есть их главной обязанностью было сообщать о происходящем в даймё. Само слово примерно переводится как «шпион» или «инспектор».

ные одежды и мухобойку в руках, которые повелевают простой толпой точно так же, как командующий самураев, или командующий пехотой, или шесть бугё-лучников, имеющие свой стяг и жезл, отдающие приказы армии и командующие на поле боя.

Лишь в смысле учения эти общины отшельников кажутся мне превосходящими самурайские. Ибо простые монахи покидают своих учителей и путешествуют по стране от одного монастыря к другому, чтобы учиться, встречаться с прославленными учеными и совершенствоваться, практикуя медитацию и добродетель. А когда они становятся танрё и сэйдо, и даже тёро и осё, настоятелями больших храмов и монастырей, они по-прежнему не стыдятся продолжать учиться, чтобы быть достойными повышения.

Это я хотел бы видеть и среди самураев; но даже простые самураи не на службе, занимающиеся побочными делами и имеющие много свободного времени, обладают вполне хорошим достатком и обеспечены всем необходимым, так что даже у совсем молодых есть жены и дети, и их единственное занятие – вздремнуть утром и днем. Они даже не изучали обычных обязанностей самурая, не говоря уже о более трудных, необычных, и так они проводят месяцы и годы, пока их бороды не станут белыми, а головы – облысевшими. Когда приходит срок, они уходят со службы, и тогда, если им предстоит стать *цукай-бан*, посланниками, благодаря помощникам они выполняют обязанности, но если их посылают в от-

даленную провинцию, подготовка к путешествию вызывает в них суету и смущение, а когда они приступают к исполнению обязанностей, они могут делать это, лишь опираясь на указания младших и на соответствующие книги. Такое положение вещей нельзя считать правильным. Ибо поскольку все обязанности самурая определены, они должны думать только о них, когда появляется время для этого, а если они встречаются способных и опытных чиновников, они должны прекратить пустые разговоры и узнать от них о том, в чем предположительно им необходим совет. Они должны знакомиться со всеми фактами, собирать и копировать старые книги и планы, с тем чтобы обладать полным знанием о своих обязанностях, и тогда они в любое время легко смогут исполнить то, что им прикажут. Если же получать сведения от подчиненных и помощников и исполнять обязанности с их помощью годится для обычных случаев – а ведь если происходит что-то непредвиденное, то не всегда можно получить помощь, – тогда добро и зло зависят от собственного умения решать вопросы. Инспектор войск должен знать все о таких вещах, как численность противника, выбор наилучшего места для лагеря и расположения армии, сила замков, преимущества или недостатки местности и возможность победы, так что с древних времен эта должность считалась трудной. Однако, если инспектор ошибется во взглядах, это скорее всего кончится лишь позором для него самого, в то время как те, кто

рангом стоит выше командующего пехотой, *асигару тайсё*²³, кто владеет маршальским жезлом и реально управляет войсками, ответственны за жизни всех людей. Поэтому более всего достойны осуждения те, кто с важным видом занимает высокие должности и позорит их, ибо они не обладают ни необходимыми знаниями, ни способностями.

Это подобно тому, как если бы среди дзэнских монахов кто-нибудь, еще в юности забросивший учение, лишь благодаря лысой голове и почтенному возрасту получил бы вдруг ранг тёро или осё, стал бы ходить в пышных одеждах с мухобойкой в руках и управлять множеством собратьев. Если бы недостойный монах каким-либо несправедливым образом вдруг достиг такого, он стал бы посмешищем, был бы опозорен и изгнан, дабы не повредить установившемуся порядку. Увы, не так обстоит дело с теми самураями, которых назначают на высшие посты при всей их неспособности, а ведь они подвергают риску жизни всех подчиненных, а потери, которые они могут вызвать, огромны. Поэтому, как только у них появляется время, самураи должны прилежно учиться, чтобы обрести глубокое понимание правил армии и ведения битвы, ибо изучение и практика – вот самое необходимое для командующего.

²³ *Асигару тайсё* – звание командующего пехотой у самураев. *Асигару* – легковооруженные пехотинцы, род наемников, по положению ниже самураев, которые, очевидно, были крестьянами, бросившими свои хозяйства. Как новый класс воинов они выступают во второй половине эпохи Муромати.

Правильное и неправильное

Воин должен глубоко понимать эти два качества. Если он знает, как делать одно и избегать другого, он обрел бусидо. Правильное и неправильное – это не что иное, как добро и зло, и, хотя я не отрицаю, что различие между словами незначительно, поступать правильно и делать добро считается утомительным, а поступать неправильно и делать зло – легким и приятным, поэтому естественно, что многие склоняются к неправильному и злему и не любят правильное и доброе. Но быть непостоянным и не различать правильное и неправильное противоречит разуму, поэтому тот, кто различает их и при этом поступает неправильно, является не самураем, а грубым и неотесанным существом. Причина тому – неумение управлять собой. Само по себе это, может, и не звучит так плохо, но если посмотреть глубже, мы увидим, что все беды идут от трусости. Поэтому я утверждаю, что самураю необходимо воздерживаться от неправильного и стремиться к правильному.

В свершении правильного есть три степени. Например, человек отправляется в путешествие вместе с соседом, а у его спутника есть сто $p\ddot{e}$ ²⁴ золота, которые он, чтобы не нести с собой, оставляет в доме у этого человека до своего возвра-

²⁴ $P\ddot{e}$ – денежный эквивалент, равный стоимости годовой нормы риса на одного человека.

щения. При этом он никому ничего не говорит. Во время путешествия спутник вдруг умирает от переедания, или апоплексии, или еще чего-нибудь, так что не остается вообще никого, кто бы знал о деньгах. Иной, только из сочувствия или сострадания, и без всяких злых мыслей, сразу же сообщает об этом родственникам и возвращает им деньги. Поистине, этот человек поступает правильно. Другой пример. Предположим, что сосед, отдавший деньги, был мало с кем знаком, а родственников у него вообще нет, так что о деньгах никто не знает и даже никто не будет и спрашивать. И если тот человек, у кого их оставили, не слишком чист душой, он может счесть их подарком судьбы и подумать, что не будет ничего плохого в том, чтобы никому не говорить о них и оставить их у себя. Но потом он вдруг устыдится своих грязных мыслей и вернет деньги. Это – правильный поступок из чувства стыда, порожденного разумом. Наконец, может случиться так, что кто-либо из семьи или из слуг вдруг узнает о деньгах, и человек, утаивший их, приходит в ужас оттого, что о нем могут подумать или сказать в будущем, и потому возвращает все. Таков правильный поступок из чувства стыда, связанного с другими людьми. Но здесь мы можем спросить, как бы он поступил, если бы никто не знал о деньгах. Поэтому едва ли мы можем назвать его тем, кто, даже не зная, что является правильным, делает это.

Тем не менее в целом кодекс правильного поведения гласит, что в первую очередь мы должны чувствовать стыд из-

за презрительного отношения своей семьи, слуг и друзей, затем из-за презрения знакомых и других людей и потому избегать неправильного и поступать правильно. Тогда это станет привычным, и со временем мы приобретем склонность к предпочтению правильного и ненависти к неправильному.

То же касается и доблести. Рожденный храбрым спокойно бросится в битву под стрелы и пули. Исполненный верности и долга, он сделает свое тело мишенью и будет спешить, являя своей исключительной доблестью прекрасный пример для очевидцев. С другой стороны, может быть и такой, у кого при виде опасности дрожат колени и сердце, но он идет вперед, ибо стыдится оказаться единственным среди своих товарищей, кто дрогнул в наступлении, он боится потерять лицо. Так он укрепляет свою решимость и спешит вслед за храбрецом. Хотя он значительно слабее рожденного храбрым, но после нескольких битв он привыкает и обретает опору, так что со временем его храбрость укрепляется и он становится воином ничуть не худшим, чем рожденный храбрым. Поэтому в свершении правильного и доблести нет иного начала, кроме чувства стыда. Ибо если человек говорит о неправильном, что это не имеет значения, и поступает неправильно; если, видя труса, он лишь смеется и тоже говорит, что это не имеет значения, — как же тогда возможно обучить такого?

Храбрость

В бусидо есть три первостепенных качества: верность, правильное поведение и храбрость. Мы говорим о верном воине, справедливом воине и храбром воине, и только тот, кто наделен всеми тремя добродетелями, является наилучшим воином. Но среди множества самураев редко встретишь такого. Верного и справедливого воина не так уж трудно отличить по его обычному, каждодневному поведению, но, казалось бы, едва ли в нынешние мирные и спокойные времена столь же легко отыскать храброго. Однако это не так, ибо храбрость проявляется не только тогда, когда человек надевает доспехи, берет в руки копье и алебарду и идет в бой. Увидеть, обладает он ею или нет, можно даже тогда, когда он сидит на циновке и живет повседневной жизнью. Ибо рожденный храбрым будет предан господину и почтителен к родителям; когда бы у него ни появилось время, он будет использовать его для учения и совершенствования в боевом искусстве. Он будет твердо остерегаться праздности и внимательно расходовать каждую монету. Считающий это отвратительной скупостью ошибается, ибо самурай тратит много только там, где это необходимо. Он не делает ничего, что противоречило бы указаниям господина или презиралось бы родителями, вне зависимости от его собственных желаний. Так, будучи преданным своему господину и роди-

телям, самурай хранит себя в надежде совершить в один из дней выдающийся поступок, а потому он умеряет себя в еде, вине и увлечении женщинами, этом величайшем обмане для человека, чтобы сохранить свое тело здоровым и сильным. Во всем этом, как и в других вещах, строгое самоограничение есть начало доблести.

誠忠義士肖像

武勇のやうな外見であつた
が、心は極めて静かであつた

大星由良之助良雄

國士方

横川彫竹

摺大文

国住政

早子内平一

番

大死

Утагава Куниёси.

Портрет добродетельного самурая. 1852.

С другой стороны, тот, кто не отважен, лишь внешне предан господину и почтителен к родителям, не имея никаких искренних побуждений таким оставаться. Безразличный к указаниям господина и предпочтениям родителей, он склонен к бессмысленным блужданиям там, где их не должно быть; он делает то, чего не следует делать, и во всем ставит на первое место свои желания. Такой любит поспать и утром, и днем, а особенно он не любит учиться. Что касается военных искусств, то он пренебрегает совершенствованием в них, лишь хвастаясь своим искусством в том, чего не может исполнить, и наслаждаясь какой-нибудь бесполезной глупостью. Он тратит любые деньги на пышные пиршества, выбрасывает на ветер свое жалованье и закладывает свои сбережения без всякой мысли о завтрашнем дне. Там же, где нужно потратиться, он скуп, и он не позаботится даже о том, чтобы отполировать доставшиеся в наследство от отца доспехи и сменить разорвавшиеся веревки. Еще меньше он будет тратить на покупку нового обмундирования и снаряжения для лошади, дабы восполнить потери. Здоровье не позволяет ему должным образом служить господину, и ему нет дела до беспокойства и горя, которые он тем самым причиняет своим родителям. Он слишком много ест, пьет и чересчур увлекается женщинами, и такая трата физических сил и от-

пущенных лет идут не от чего иного, как от слабого и необученного разума, неспособного к самоограничению. Мы не ошибемся, если назовем эти качества источником трусости в самурае. Так храброго можно отличить от малодушного, даже если он сидит на циновке в своем доме.

Почтение

Путь верности и сыновнего долга присущ не только самураю. Крестьяне, ремесленники и торговцы тоже не чужды его. Но среди последних ребенок или слуга, сидя со своим родителем либо хозяином, может скрестить ноги, или держать руки где попало, или говорить с ними стоя, хотя они сидят, или совершать другие бесцеремонные и невежливые поступки, — все это не имеет значения. Быть искренним в своих сыновних чувствах и действительно преданным хозяину или родителям — вот все, что требуется от трех сословий. Но что касается бусидо, то, как бы в сердце своем ни был предан и почтителен человек, если он не соблюдает правильного этикета и лишен манер, которые выражают уважение к господину или родителю, его нельзя считать живущим в соответствии с ним. Любое подобное пренебрежение по отношению не только к господину, но и к родителям, не может считаться приличествующим тому, кто хочет стать самураем. И даже вне их присутствия, наедине с собой, не может быть никакого расслабления, ничто не должно затмевать верности и

сыновнего долга воина. Когда бы он ни ложился спать, ноги его ни на мгновение не должны быть обращены в сторону его господина. Где бы он ни устанавливал соломенную мишень для упражнений в стрельбе из лука, стрелы никогда не должны лететь в сторону его господина. Когда он кладет на землю копье или алебарду, острие их также не должно быть направлено в сторону господина. А если он услышит разговор о своем господине или же сам что-либо говорит о нем, он должен немедленно вскочить, если он лежит, и выпрямиться, если он сидит, ибо в этом состоит Путь самурая.

Указывать копьем в сторону господина, зная, что он там, говорить о нем, развываясь на циновках, бросать письмо родителей, или рвать его, или использовать его для чистки свирели либо ночника – все это говорит об отсутствии уважения. Такие люди склонны, встречаясь с незнакомцами, плохо говорить о делах своего господина. А если кто-нибудь, даже совершенно чужой человек, приходит и ловко заводит с ними разговор, они будут очень довольны и без всяких колебаний станут осуждать своих родителей и старших братьев, порочить и поносить их. Несомненно, что когда-нибудь они будут наказаны своим господином или попадут в беду, в любом случае их конец не будет достойным воина; но даже если они останутся живы, это будет бесполезное существование. В прошлом, в эпоху Кэйтё²⁵, жил отважный воин по имени Кани Сайдзо, командующий пехотой при Фукусима Саэ-

²⁵ Имеется в виду период правления Кэйтё – императора Японии (1596–1615).

мон-тайю Масанори, день и ночь охранявший железные ворота замка Хиросима в Аки. Состарившись, он стал спать в промежутках между службой. Случилось так, что к нему пришел паж Масанори и принес молодого ястреба с запиской от господина о том, что это подарок по одному из случаев. Сайдзо моментально вскочил, одел *хакама*²⁶, которые он снял и отложил в сторону, повернулся к нему и принял подарок, сказав, что немедленно передаст свою благодарность. Затем продолжил: «Если бы ты был моим сыном, я бы сказал, что ты глупец, ибо если ты приносишь послание от нашего господина, ты должен с самого начала сказать об этом, чтобы я мог подготовиться, а не подавать мне его, когда я заснул, без всякого предупреждения. Хорошо, что ты не мой сын, а поскольку ты всего лишь паж, я думаю, что должен простить тебя». Мальчик в испуге убежал и рассказал все своим друзьям, так что спустя какое-то время история дошла до самого Масанори. Он позвал пажа и спросил, так ли было дело, а когда паж все подтвердил, сказал: «Сайдзо был прав, рассердившись из-за такой бестактности. Я хотел бы, чтобы все самураи Аки и Бидзэна обладали его духом, ибо тогда не было бы ничего такого, чего они не смогли бы свершить».

Искусство верховой езды

В древности все самураи, знатные и низкие, считали

²⁶ *Хакама* – широкие, расклешенные штаны.

стрельбу из лука и искусство верховой езды первейшими из военных искусств, ныне же они предпочитают практиковаться во владении мечом и копьем, и лишь потом в искусстве наездника. Необходимо, чтобы молодой самурай ежедневно упражнялся в стрельбе из лука и мушкета, в фехтовании и в *дзюдзицу* прежде всех остальных военных искусств, ибо, когда он станет старше, у него не будет времени упражняться в том, в чем он желает. Поэтому я хотел бы видеть молодых самураев, уделяющих особое внимание верховой езде, и особенно управлению лошадьми с недостатками и крутым норовом. Ибо хорошие и послушные лошади встречаются достаточно редко, и поскольку их приобретают знатные люди, их нечасто можно встретить в конюшнях мелкой сошки. Однако если человек – прекрасный наездник и видит хорошую лошадь, но с каким-то недостатком: или плохой выучкой, или норовящую сбросить всадника, он может купить ее по доступной цене, и тогда, имея лошадь, он может занять более высокий пост. Такие вещи, как масть лошади или ее грива, могут повлиять лишь на выбор людей знатных, а мелкий вассал не может позволить себе презирать животное только потому, что ему не нравится ее масть или у нее редкая грива. Если лошадь хороша, лучше купить ее и держать у себя.

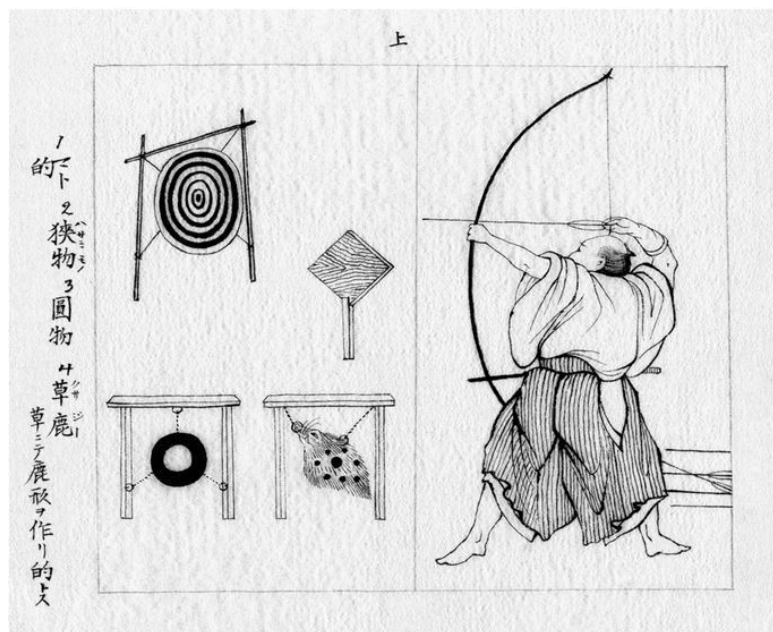
Давным-давно в провинции Синано жил некто Какугандзи из дома Мураками²⁷. Под его началом было триста всад-

²⁷ Мураками – император Японии (926–967).

ников, все – прекрасные лучники. Он сделал семейной традицией отбирать лошадей из тех, которых другие отвергли из-за каких-то внешних изъянов. Он не утомлял своих людей упражнениями на беговых дорожках, но выводил их по пятьдесят или сто человек на открытую равнину около замка, где было много места, где они во главе с командиром скакали галопом. Они вскакивали на лошадей и соскакивали с седла, и правили лошадьми так хорошо, что слава о них разошлась повсюду. И даже Такэда из Кай стал считать людей из Синано врагами, которым нельзя безнаказанно бросить вызов, – большая похвала тренировкам Какугандзи.

Лошадь, которая нужна воину, – на 1–3 дюйма выше среднего роста, со среднепосаженной головой и хвостом, но для мелкого вассала нет свободной лошади, поэтому его лошадь должна быть высокой. Не следует выказывать недовольство, если она задирает голову, а следует порадоваться, если у нее широкий крестец. Но прибегать к таким неестественным и уродливым уловкам, как вытягивание сухожилий ног, чтобы у нее был более длинный шаг, или перерезание сухожилий хвоста, чтобы он не поднимался, – значит показывать стремление к причудам, что несовместимо с бусидо. Ведь лошадь, сухожилия ног которой неестественно вытянуты, быстро устает и бесполезна при долгом путешествии по холмам или при переходе через реку. А у лошади с перерезанными сухожилиями хвоста при прыжках через ямы и рвы часто скользит подхвостник. Слишком же широкий крестец

мешает ей преодолевать узкие проходы.

Автор неизвестен. Японский лучник. 1878.

Есть два вида отношения воина к лошади: хороший и плохой. Древний воин считал лошадь незаменимой, ведь она несла его, закованного в доспехи, со знаменем и полным вооружением. Сам он не смог бы поднять все это. Лошадь могли ранить или убить, поэтому, хотя лошадь и животное, он относился к ней с состраданием, тщательно заботился о ней

и следил, чтобы она была всегда накормлена. Сегодня же люди думают лишь о том, как бы подешевле купить лошадь с изъянами и исправить ее недостатки, или о том, как найти выкормленного в деревне жеребенка и объездить его, чтобы с выгодой продать его любому, кому он понравится. Так думает конюх или торговец лошадьми, но это недостойно знатока.

Военные искусства

Тот, кто является самураем, даже мелкий вассал, обязательно должен найти себе подходящего учителя и изучать традиционные военные искусства, чтобы знать о них все, что нужно. Некоторые могут сказать, что низкому самураю необходимо не все, но я считаю это ограниченным взглядом, ибо во все времена были воины, поднявшиеся из низов, составившие себе славу в качестве великих полководцев и ставшие наместниками областей и провинций. Я думаю, что даже сейчас мелкий вассал может стать командующим армией. К тому же изучение военных искусств сделает умного от природы еще умнее, а глупого от природы — не столь безнадежным. Поэтому все самураи без исключения должны заниматься ими. Но обучение может сослужить плохую службу, если, опираясь на высокомерные, но неправильные доводы, лишь сбивающие молодых с пути и мутящие их дух, возвышать себя и пренебрежительно относиться к другим.

Такой человек может удариться в рассуждения, кажущиеся правильными и должными, но на самом деле он лишь будет пытаться произвести впечатление и думать о своей выгоде, поэтому в итоге у него испортится характер и он утратит подлинный самурайский дух. Такая ошибка проистекает из поверхностного изучения предмета, поэтому начинающие не должны довольствоваться половиной, а должны упорно идти вперед, пока они не постигнут все секреты, и только тогда они могут вернуться к прежней простоте и жить тихой жизнью. Но если люди, тратя много времени на обучение, доходят лишь до середины пути и не в состоянии полностью овладеть им, они не смогут обрести прежней простоты и будут пребывать в замешательстве, что печальнее всего. Прежней простотой, или неведением, я называю их духовное состояние до того, как они начали изучать военные искусства. Старая пословица гласит, что бобовый соус, который пахнет бобовым соусом, нехорош. То же касается и военных тупиц.

3. Автор неизвестен. Воин-лучник. XIX в.

Глава II

Управление домом

Если самурай недоволен какими-то поступками своей жены, он должен разумными доводами убедить ее согласиться с ним. При этом в пустяках лучше быть терпимым и снисходительным к ней. Но если она ведет себя плохо и он считает, что от нее не будет никакой пользы, он, в исключительных случаях, может развестись с ней и отослать ее домой к родителям. И если самурай не делает этого и продолжает держать ее в своем доме, так что люди обращаются к ней по уважительным именам *оку-сама* и *камисама*, но при этом кричит на нее и поносит ее оскорбительными выражениями, он ведет себя так, как наемники и чернь, живущие на задворках торговых кварталов, что не подобает самураю-рыцарю. Еще менее подобает ему хвататься за меч или грозить жене кулаком – храбрость, на которую осмелится только трусливый самурай. Ибо девушка, рожденная в самурайском доме и достигшая брачного возраста, никогда, будь она мужчиной, не стала бы терпеть, чтобы кто-нибудь грозил ей кулаками. Лишь потому, что она имела несчастье родиться женщиной, ей остается лить слезы и мириться с этим. Храбрый самурай никогда не угрожает тому, кто слабее его. Того же, кто лю-

бит делать то, что презирает отважный человек, справедливо называют трусом.

Родственники

Среди крестьян и торговцев обычно дети старших и младших братьев, как и замужних сестер, зовутся племянниками, и к ним ко всем относятся одинаково. Самураям не подобает поступать так. Например, сына старшего брата, являющегося наследником, почитают, хотя он и племянник, как старшего брата и относятся к нему с соответствующим уважением, ибо он будет исполнять долг старшего брата. Это не обычное отношение к племяннику, ибо он представляет основателя семьи и рода. Что касается второго и третьего сыновей, то достаточно, если будут соблюдаться обычные отношения дяди и племянника, как и в случае с сыновьями младших братьев. Дети сестер – также племянники, но, поскольку у них внешнее родство, об этом следует помнить, поэтому лучше поддерживать с ними ровные отношения, устные и письменные, и держать их на расстоянии. К племянникам и младшим братьям, а также к своим собственным детям, если они отправлены в другую семью, нужно относиться соответственно. Встречаешься ли с ними лично или обмениваешься словами на семейных советах, приветствия и обращения должны быть сдержанными и отчужденными, как отношения к чужим домам и семьям, и отличными от обращений к близ-

ким. Ибо если после того, как они отправились в другой дом, по-прежнему относиться к ним как к сыну или младшему брату, будет казаться, что ты предпочел бы оставить их дома, и подобное отношение будет сочтено приемным отцом и другой семьей неуважением. Приемный отец не является родственником, и если, предположим, в его доме возникнет беспорядок и вопрос о наследнике станет трудным, только тогда будет правильным не бросить племянников и помогать им.

Это же верно, когда отдаешь свою дочь замуж в другую семью, она рождает сына, а ее муж умирает. И если маленький внук становится наследником, то в случае раздела владений, когда необходимо начать переговоры с родственниками и близкими зятя, необходимо, чтобы из каждых десяти вопросов восемь или девять ты предоставлял решать им. И даже если муж жив, но семья плоха и становится бременем для родственников, едва ли можно не помочь дочери в трудной ситуации, поэтому следует оказать ей поддержку.

Бережливость

Самураи, находящиеся на службе, знатные и низкие, всегда должны быть бережливы, но при этом не экономить на расходах на содержание дома. Те, кто имеет большие доходы, должны быстро изменить свои траты, если обнаружат, что живут не по средствам. Будучи внимательными и эконо-

номя там и тут, они вскоре смогут расплатиться с долгами. Но если мелкий вассал пытается жить как большой, тратит слишком много и попадает в трудное положение, он не сможет оправиться от этого, ибо ему не на что опереться, и как бы он ни пытался экономить, его положение будет все труднее и труднее, пока наконец он не придет к полному краху. Поскольку частные дела людей не касаются других, а тот, кто находится на службе, вынужден делать то же, что и его товарищи, у него есть какие-то необходимые расходы, поэтому ему придется прибегать ко всевозможным уловкам и хитростям, и даже говорить и делать то, чего не следует говорить и делать, ибо денежные трудности заставляют даже людей высокой репутации совершать бесчестные поступки, чуждые им. Поэтому необходимо принять твердое решение жить по средствам и быть очень внимательным, чтобы не впасть в ненужные траты и расходовать деньги только там, где необходимо, ибо это называется путем бережливости. Следует сказать еще одну вещь. Ничего не делать и при этом говорить о бережливости, не желая тратить ничего, экономя и срывая отовсюду, радоваться, если скупостью удастся добавить одну монетку к другой, — значит дать охватить себя страсти получения грязных барышей и постепенно утратить все приличия. Это означает делать то, чего не следует делать, и оставлять несделанным то, что должно быть сделано. Такие люди теряют все инстинкты, за исключением накопительства, и то, чему они следуют, — это скупость, а не бережливость. Это

позволительно крестьянам и торговцам, но самурай должен питать к скаредности такое же отвращение, как и к отбрасыванию Трех Священных Сокровищ.

Мать с ребенком на спине. Фото. 1877.

Ибо если он складывает все деньги в кубышку и не желает тратить их, насколько же сильнее он будет цепляться за свою куда более драгоценную жизнь. Поэтому древние говорили, что в Китае скупость считается равной трусости.

Строительство дома

Самураю, находящемуся на службе, подобает иметь внешние ворота и сторожевой домик, крыльцо и вход, а также зал для приема гостей настолько хорошими, насколько позволяет его доход. Ибо повсюду люди присматриваются к домам, еще только подходя к внешнему рву, окружающему город, и, если дома самураев некрасивы снаружи, но совершенны и величавы внутри, люди не будут доверять ни господину, ни самим самураям. С другой стороны, внутренние покои дома, где живут жена и члены семьи, также должны быть правильно обустроены, какими бы невидимыми для чужого глаза они ни были. Они должны надежно укрывать от дождя, и притом следует тратить как можно меньше времени на ремонт и обновление жилища. Ибо в нашем беспокойном мире даже владелец замка должен всегда помнить о возможности осады, а дома самураев в пределах второй и третьей линий обороны должны быть низкими, небольшими и простыми. Тем более следует воздерживаться от строительства слишком величественных домов тем вассалам, которые живут за пределами замка, ибо может возникнуть необходи-

мость сжечь дома и уничтожить имущество. Эти дома должны быть непритязательными, насколько возможно, и служить лишь местом для ночлега. Понимая это, самурай, желающий неуклонно следовать бусидо, даже в нынешнее мирное время не будет думать о доме как о своем постоянном обиталище и не будет растрачивать усилия на его изысканное украшение. Кроме того, если дом окажется охваченным огнем, он должен быть готов быстро построить новое жилище. Поэтому того, кто не предвидит этого, тратит на строительство дома слишком много денег и даже с охотой влезает в долги, можно считать совершенно лишенным здравого смысла и понимания вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.